

ДУША НЕРАСКАЯННАЯ

Представлю огненную стужу,
Жар ледяной вообразу,
Но нераскаянную душу
На небе вряд ли разгляжу.

И — вдруг! Душа в одеждах темных
Неискупленного греха
Среди ликующих спасенных
Идет, задумчиво тиха.

Душа, отвергнувшая милость
И Божий замысел святой,
В раю случайно очутилась
По воле чьей-то роковой.

Темны ее воспоминанья,
И невозможно забыть...
И пуще всякого страданья
Дыханье неба для нее.

Начнут святые Бога славить
И сладким ладаном кадить,
Она — мечтать: кого ограбить,
Оклеветать и погубить.

Нежданный рай душе не сносен,
И крест, сияющий над ней.
И от Него сама попросит
Освободить себя скорей.

И страшен крик самоизгнанья,
И так светла хвала Того,
Кто на небесные страданья
Не обрекает никого.

НОВГОРОД

Над новгородскую Софией
Звезда высокая зажглась.
Здесь между небом и Россией
Видна таинственная связь.

В свободном Волхова теченье,
В величье сдержанном церквей
Узришь святое назначенье
Единой Родины моей.

Поврозь мы кто? — Рязань да Ржева,
Торжок, да Тверь, да Кострома...
А вкупе — грозная держава,
Врага сводящая с ума.

Во все концы земли, по сути,
Отсюда нас вела звезда.
Мы о былом своем забудем,
Враг не забудет никогда.

Татары новые да шведы
Нам прошлой славы не простят.
Едва ослабим хватку где-то,
За все России отомстят.

Но — чу! Деревья — показалось —
Свеченьем внутренним полны,
Где колыбель славян качалась
Под шелест ильменской волны.

* * *

Тот богат, кто многого не просит,
Чье наследство — ветер да ветла...
Русскому была бы только осень
Да с ледком из проруби вода.

Куплен пруд. И дремлющие ивы
Оградил воинственный забор,
Купола «Марии Магдалины»
Золотит спасающийся вор.

Угасают утренние звезды,
Как моя хворающая мать.

«Ничего! — кричу. — Еще не поздно.
Мы еще сумеем устоять».

Господи! Без выдоха не пьется...
Или чашу выплеснуть тайком?
Ждем Тебя! Душа томится, рвется,
Ходит за ворота босиком.

СОБЕСЕДНИК

За окровавленные ели
Катилось солнце с вышины.
Ребята медленно хмелели,
Давно пришедшие с войны.

Костер метался на поляне,
Звенели струны серебром...
И каждый думал об Афгане,
Ни слова не сказав о нем.

Я не служил под Кандагаром,
Мои — на севере полки.
И я спросил соседа справа:
«Что отмечают мужики?»

Друзей погибших поминают?
Былое жаркое житье?...»
Он побледнел. «Что отмечают? —
Рождение новое мое.

Я гнить обязан под землю,
Лет двадцать, в цинковом гробу.
А песни вот пою с тобою
И рассуждаю про судьбу.

Я офицер! — глаза блеснули, —
А тот, мальчишка рядовой,
В конце весны шагнул под пули,
Загородив меня собой...»

В закатных сумерках звенящих
Мой собеседник загрустил,
От уголька рукой дрожащей
Неторопливо прикурил.

У нас не вышло разговора.
И я решил стакан поднять
За капитана ли, майора —
Кого так страшно потерять.

СЕЛО СТЕПАШКИНО

Хозяевам можно простить, конечно, паленую водку,
Что сели за стол без креста, ни мать не позвав, ни отца,
Что всякой эстрадной тужбой лудили до одури глотку,
А мне — про есенинский клен не дали допеть до конца.

Хозяевам можно простить в углу телевизор кричащий,
Неубранный снег у крыльца и тягу дурную в печи,
И что вековая изба у них называется «дачей»,
Что нынче живые не бьют за их огородом ключи.

Хозяевам можно простить — они за неделю устали —
И взор затуманенный их, и сплетни, и спор ни о чем...
Но сколько бы щедрой рукой в стаканы они ни плескали
Невесело будет всегда в бревенчатом доме таком.

Хозяевам можно простить... В крови у нас это прощенье!
Но я больше с ними не мог. И я попросился ко сну:
Я долго глядел из окна на дальнее в небе свеченье,
И так мне хотелось повыть с собакой чужой на луну...

Глядел я на медленный снег — давно я не видел такого —
На темную изгородь, мост... Смотрел и хотел позабыть
Смешное название села — Степашкино иль Степаньково,
В котором еще до утра плясать будут люди и пить.

КУКЛА

Ребенок глядит, не мигая, глазастый.
За ним виноградом веранда увита.
— Откуда ты, девочка? — Я из Луганска.
— А где твои мама и папа? — Убиты.

Косичка ее на ветру растрепалась,
Рука у запястья заметно распухла...
— Родных никого у тебя не осталось? —
Молчит, обнимая любимую куклу.

— Смышленная кукла, сомнения нету...
А можно ее мне погладить? — Конечно.
И прямо в глаза мне: — Сказать по секрету?
В ней два обручальных зашиты колечка...

Затихла, задумалась. — Мама успела
Колечки припрятать за час до бомбежки...
А кукла молчит и глядит онемело,
И робкие тянет к хозяйке ладошки.

Ничего, ничего, что зима на полгода,
Что колотят дожди о железное тулово крыш,
Что свобода наставшая — странная все же свобода,
От которой могильных крестов приумножилось лишь.

Ничего, ничего... Это даже не ново,
Что Россия, как остров, уходит опять из-под ног,
Что под спудом лежит вековечное русское слово,
И родную страну золотой охмуряет божок.

Цепенеет душа — огнекрылая птица,
И напрасно взыскует о правде нетленной святой.
Я не вижу того, с кем хотелось бы разговориться,
Чтобы в черных зрачках отыскать огонек неземной.

Ничего, ничего — все погибло? — едва ли...
Вот наступит весна и из гроба восстанет Господь,
Чтобы наверняка все сомненья мои и печали,
Точно камень о камень в горах грозových расколоть.